

НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ СТРАНЫ

Чжан Бинь

PhD Казахского национального университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Надыров Шерипжан Марупович

научный руководитель, д-р геогр. наук, профессор, Казахского национального университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения места и роли тюркоязычных стран в системе нового экономического пояса Шелкового пути, их влияния на региональную реконструкцию пространственной организации экономики и формирование транспортно-логистических центров. В этих условиях тюркоязычным странам необходимы новые парадигмы социально – экономического развития сочетающие решение задач формирования НЭПШП с учетом их собственных интересов. Объективно, НЭПШП должен ускорить экономическую консолидацию, основу интеграции, но интеграции, основанной не на этнических принципах, а на принципах сохранения национальной идентичности тюркоязычных народов и единства общетюркских корней. В силу этого обстоятельства политика тюркоязычных стран в отношении развития НЭПШП должна определяться особым, гибким подходом, который видится в реализации принципа постепенного встраивания тюркоязычных стран в мировые инновационные технологические цепи при максимальной эффективности природопользования, важнейшего условия функционирования нового экономического пояса Шелкового пути с учетом их экономической безопасности. Вопрос в том, в какой степени возникнет общая модель тюркского экономического сотрудничества и как она будет соотноситься с существующими реалиями в регионе Центральной Азии? Каково будет место Турции в предлагаемой модели? Каким образом становление на евразийском пространстве ещё одной международной организации Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) будет соотноситься со сложившимися в тюркоязычных странах реалиями. Возможно ли использование территории тюркоязычных стран не в качестве транзита, а как фактора способного повлиять не только на рост, но и развитие их национальных экономик в контексте встраивания в мировые технологические цепи и перехода на новые технологические уклады

Ключевые слова: Новый экономический пояс Шелкового пути, тюркоязычные страны, геополитика, геоэкономика, парадигма, стратегия.

Введение. Оценка роли и места тюркоязычных стран в системе нового экономического пояса Шелкового пути (НЭПШП) и их потенциала для экономического, технологического, человеческого и интеллектуального прорыва в регионе является сложной субрегиональной и геополитической задачей. При этом помимо выявления позитивных и негативных сторон НЭПШП требуется научно обосновать возможные последствия данного проекта для тюркоязычных стран в целом, и для каждой страны в отдельности, поскольку НЭПШП не только единство, но и противоположность интересов, обусловленных многими причинами. Так, НЭПШП, после реализации проекта должен превратиться в глобальную логистическую цепь и стать частью мировой экономики, способной противостоять негативным проявлениям

мировой финансово-экономической системы. Но это не означает, что исчезнут проблемы на глобальном, субрегиональном, региональном уровне у стран участников НЭПП, в том числе и у тюркоязычных стран Центральной Азии, Azerbaijan и Турции.

Использование территорий тюркоязычных стран Центральной Азии в качестве транзитных путей логично способствует не только росту, но и развитию их национальных экономик в контексте интеграции в глобальные технологические цепочки и перехода к новым технологическим моделям, если это станет приоритетным для национальных экономик тюркоязычных стран. Так, складывающаяся ситуация в турецко- российских отношениях и в целом с Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС) и наметившаяся линия геополитического разлома, после известных событий лета 2016 года в Турции, объективно усиливает сотрудничество тюркоязычных стран, не только в социально-культурном, гуманитарном, но и в экономическом отношениях. Вместе с тем экономический пояс Шелкового пути протекает через самый оживленный экономический коридор, вдоль которого расположены более 60 стран, с населением около 4,5 млрд. человек, а их объемы экономик составляют примерно 21 триллион долларов США, что равно 63% и 29 % от мирового итога соответственно [1, с.3]. С одной стороны — это растущая экономика Восточной Азии, с другой – развитая экономика Европы, а между ними расположены страны, включая тюркоязычные, с огромным потенциалом для развития. Этим во многом обусловлены направления экономического пояса Шелкового пути (рис. 1):

- первое из Китая через Центральную Азию и Россию в Европу (Балтийского моря);
- второе из Китая через Центральную Азию в Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря;
- третье из Китая до Юго-восточной Азии, Южной Азии и до Индийского океана.

Направлений морского Шелкового пути 21 века два:

- первое из китайских портов через Южно-китайское море до Индийского океана и дальше до Европы;
- второе из китайских портов через Южно-китайское море до южной акватории Тихого океана.

Рисунок 1. Основные маршруты нового экономического пояса Шелкового пути

В этих условиях тюркоязычным странам необходимы новые парадигмы социально – экономического развития сочетающие решение задач формирования НЭПШП с учетом их собственных интересов. Объективно выражаясь, НЭПШП должен ускорить экономическую интеграцию, которая является основой для интеграции, основанной не на принципе этнической принадлежности, а на принципе единства в сохранении самобытности тюркоязычных народов и общих корней тюркских языков. Это в определенной степени повысит духовную культуру населения и усилит его устремления по отношению к цивилизационному, социально-экономическому и технологическому разрыву, который существует между ним и населением постиндустриальных стран. На основе таких парадигм должны разрабатываться стратегии социально-экономического развития с соответствующим механизмом перехода к новым технологическим укладам, реконфигурации территорий, как градостроительной основы функционирования национальных экономик, формирования городских агломераций и финансовых центров мирового, субрегионального и регионального уровней, оказывающих влияние на значительную часть НЭПШП и ЕАЭС.

Современная ситуация в тюркоязычных странах. Во многом обусловлена особенностями размещения зон экстремизма или потенциального экстремизма вдоль НЭПШП, которые на географической карте в основном совпадают либо с зонами концентрации энерго – и других стратегических ресурсов, либо с ключевыми зонами в достижении геостратегических целей. По иронии судьбы, это прежде всего границы между Западом и Китаем и исламским миром, важной частью которого является тюркский мир. Они совпадают с границами демократических и авторитарных режимов, перераспределением ресурсного потенциала и сфер влияния основных геополитических субъектов, а также границами глобального лидерства в 21 веке. Восточная часть этой зоны, включает страны Центральной Азии или «Большой Центральной Азии» (БЦА), концепция которой разработана в конце XX века американскими учеными, которые помимо Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении включают Афганистан и Синьцзян, а также прилегающие к этому региону территории России, Монголии, Индии, Пакистана и Ирана [2, с.180]. В связи с этим китайские исследователи утверждают, что государства-члены ШОС должны предотвратить реализацию американской программы БЦА. Пикантность данной проблемы заключается в том, что Концепция Шелкового пути воспринимается в России с интересом и без возражений, но не выдвигается ею в качестве официальной. Россия предпочитает использовать термин "евразийская интеграция" и хотела бы сохранить свое традиционное влияние в Центральной Азии за счет равноправного сотрудничества и добровольного восстановления политических и экономических связей на взаимовыгодной основе, для чего есть все основания. Однако тюркоязычные страны Центральной Азии вместе со своими южными соседями являются проблемными зонами не только для России, но и для современного мира в целом. Вопрос заключается в том, что насколько Россия может защищать свои интересы от других геополитических игроков, включая Китай, который доминирует в экономике стран Центральной Азии, а именно в городах экономического пояса свободной торговли (рис. 2).

Рисунок 2. Города «экономического пояса» свободной торговли

- Двадцать лет экономического развития стран Центральной Азии, также как и для большинства Новых Независимых Государств (ННГ) характеризуются рядом следующих периодов:
- 1991–1999 гг. – период глубокого экономического спада на фоне жесткой дезинтеграции пространства бывшего СССР;
- 2000–2007 гг. – период динамичного экономического роста;
- 2008– до настоящего времени – период глобального финансово-экономического кризиса и первых послекризисных лет, отличающихся серьезными изменениями в процессах и динамике мировой экономики.

Сравнительный анализ социально-экономической, региональной и геополитической динамики государств Центральной Азии в 1991–2016 годах ставит ряд вопросов, ответы на которые могут определить развитие экономики тюркоязычных стран Центральной Азии в кардинально изменившихся условиях. При этом среди научных публикаций ученых из стран Центральной Азии практически нет работ, посвященных анализу ошибок, а таковые, безусловно, имеются. Оценка роли советского наследия сводится лишь к выявлению негативных сторон прошлого. Нет объективного анализа внутренних возможностей, если есть, то они слишком завышены, а также влияния внешних факторов, то есть новых реалий – в частности быстро меняющаяся мировая и региональная конъюнктура. Разумеется, трудно делать какие-либо прогнозы без анализа трансформации постсоветского пространства и тенденций, которые будут определять будущие изменения. Насколько важна роль взаимного сотрудничества в экономическом развитии тюркоязычных государств Центральной не только в понимании высшего руководства, но и их возможностях влиять на формирование интеграционных процессов? На наш взгляд, только сообща тюркоязычные страны Центральной Азии могли бы воспользоваться своими конкурентными преимуществами, сформировать экономический механизм межгосударственного водораздела и, наконец, выйти на траекторию устойчивого регионального развития, но этого не происходит. Природно-ресурсный потенциал, социально-экономический и технологические возможности Казахстана выгодно отличаются от других стран Центральной Азии несмотря на то, что страны ЦА также не обделены недрами ресурсами. Преимущества заключаются, прежде всего, в более выгодном по сравнению с Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном экономико-географическом положении,

которое определяет определенную зависимость этих стран от Казахстана в транзите грузов в Россию и страны Европы.

Геоэкономическое положение Казахстана между Россией и Китаем также выступает мощным фактором, оказывающим позитивное влияние на рост национальной экономики Казахстана. Преимущества также заключаются в особенностях приграничных территорий по периметру казахстанско-российской границы, которые определяют развитие производственно-технологических связей, причем обоюдовыгодных с выходом на экономическую интеграцию инновационного направления. Вместе с тем Центральноазиатский регион в настоящее время больше представляет собой комплекс противоречий и очагов локального и регионального межэтнического, внутри этнического, экологического и межгосударственного напряжения. Аналогичная ситуация складывается в соседнем с Центральной Азией Афганистане и Синьцзян – Уйгурском Автономном Районе (СУАР) КНР, разумеется, с учетом специфики этих стран. При отсутствии или слабой выраженности процессов экономической интеграции вышеуказанные факторы, безусловно, выступают индикаторами формирования и развития обще регионального конфликта. Играя на существующих противоречиях, геополитические игроки могли бы с успехом применить в регионе теорию управляемого хауса на уровне конкретных государств и центральноазиатского региона в целом.

Турция и тюркоязычные страны. Турция и Казахстан, являясь ведущими региональными игроками в тюркском мире и, обладая реальной возможностью выступать экономическим каркасом для других тюркоязычных государств на пути к интеграции, могли бы сыграть существенную роль в решении обще-региональных проблем. Общая экономика тюркоязычных государств составляет более \$1,3 трлн., что составляет чуть более 2% от итога мирового ВВП и продолжает расти [3, с.206]. Призывов по общетюркской интеграции было много, однако, выдвинутая Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым инициатива о создании нескольких общетюркских структур, в частности Постоянного органа Глав тюркоязычных государств, Парламентской Ассамблеи тюркоязычных государств и Совета Старейшин закономерно привели к созданию Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). Оно стало основой создания первого в истории тюркского мира межгосударственного объединения тюркоязычных стран, призванного усилить единство тюркских народов. Вместе с тем состоявшийся в Алматы первый саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) окончательно утвердил становление на евразийском пространстве ещё одной международной организации. Сегодня в неё входят Казахстан, Азербайджан, Киргизия и Турция. Вполне возможно, что Турция давно бы уже предприняла шаги по образованию Союза тюркоязычных государств, но уже более 40 лет она безуспешно пытается вступить в Евросоюз (ранее Европейское экономическое сообщество) [4, с.2].

Турция в последние годы находилась в стадии мощного экономического подъема и больших внутренних трансформаций. Аналогичный процесс происходит и в Казахстане. Несмотря на быстро растущее население Турции, где показатели ВВП на душу населения увеличились в три раза по сравнению с 2002 годом, достигнув в 2010 году 10 тыс. 500 долларов США, а в 2012 году 13 тыс. долл. В результате Турция сменила свой статус страны «среднего уровня дохода» и в 2012 г. вошла в лигу богатых стран мира. Объем ВВП Турции в 2013 году составил \$ 1,1 трлн. против \$ 120 млрд. в Казахстане по паритету покупательной способности (ППС) [5, с.1]. Экономико-географическое положение Турции весьма благоприятно для развития внешнеэкономических отношений практически со всеми странами мирового содружества. Находясь в непосредственной близости от Европейского Союза, Ближнего Востока, Таможенного Союза, Среднего Востока и Южной Азии Турция выступает одним из немногих государств в мире как получающая «экономико-географическую ренту» за удачное местоположение. Этого нельзя сказать о всех остальных тюркоязычных странах. Вместе с тем неудавшийся военный переворот в Турции обострил отношения Турции с США и ЕС, но значительного дрейфа в сторону России и ЕАЭС пока не произошло. Позиция Турции по отношению к Сирии, ИГИЛ (террористическая организация, деятельность которой запрещена в России, прим. ред)

от части совпадает с западной каолиновой.

Складывающаяся ситуация для тюркоязычных

государств создает новые проблемы и делает непредсказуемое дальнейшее развитие событий.

Роль Китая в создании Экономического коридора Шелкового пути: иллюзии и реалии. Установка на строительство Экономического пояса включена в систем-определяющие политические документы КНР: план социально-экономического развития на 2015 год и доклад о работе правительства. В них отмечается, что Экономический пояс Шелкового пути станет одним из главных инструментов дальнейшего развития международного сотрудничества КНР. что осуществление этой инициативы станет "фокусом" внешнеполитической деятельности КНР в 2015-м. Подтверждено, что этот огромный проект будет включен и в план "13-й пятилетки", который будет принят в 2016 году – это реальность. Беспокойство вызывает то, что, большинство стран НЭШП пытаются решать свои тактические задачи в рамках проекта, разработанного другой страной, не имея собственных конкретных научно-обоснованных программ и стратегий –это иллюзия. Китайское руководство выделяет немалые средства на создание Экономического коридора Шелкового пути. Так, проект будет финансироваться из созданного недавно Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с уставным капиталом 50 млрд. долларов и общим объемом средств в 100 млрд., а также из Фонда Шелкового пути объемом 40 млрд. долларов. У КНР в настоящее время нет оснований выдвигать проекты в ущерб интересам РФ и другим странам ЭШП. Главная движущая сила проекта – естественное стремление к экономическому сотрудничеству, но совсем не для того, чтобы вытеснить РФ. Сотрудничество, на данном этапе развития наилучший из форматов для обеспечения интересов обеих сторон, а конкуренция с прицелом на вытеснение соперника нанесет ущерб и той, и другой стороне. И это хорошо понимают в Пекине, поскольку отдельные программы ЭШП, которые могли бы проводиться под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), имеют серьезный потенциал превращения в основную площадку взаимодействия Китай (ЭШП) – ЕАЭС [6, с.1]. В этом плане Турция — ключевая страна в реализации стратегии нового экономического пояса Шелкового пути по созданию транспортного экономического коридора из Западного Китая в Европу: сегодня Китай модернизирует транспортные сети стран Средней Азии и Ирана для выхода на железные дороги Турции для установления прямой связи между собственными экспортными центрами и рынками Европы [7, с.2].

Модель экономического сотрудничества тюркоязычных государств. Социально-экономическое развитие тюркоязычных государств во многом определяется уровнем регионализации, т.е. степенью экономической интеграции между ними, позволяющей совместными усилиями противостоять негативным проявлениям глобализации и геостратегическим вызовам ведущих стран мира в регионе Центральной и Передней Азии. В этой ситуации Турция могла бы сыграть существенную роль в выходе стран Центральной Азии в мировой океан.

В данном случае возникает вопрос? Возможно, ли формирование общетюркской модели экономического сотрудничества и как она будет соотноситься со сложившимися в регионе Центральной Азии реалиями? Каково будет место Турции в предлагаемой модели? В любом случае, появление еще одной международной организации на евразийском пространстве, Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), стало основой для наполнения новым содержанием евразийского экономического сотрудничества. Другой вопрос - прочность этой региональной организации, и, разумеется, до сих пор тюркоязычные страны не говорили об экономической интеграции на этнической основе, которая является просто вопросом укрепления связей между странами. Экономическая интеграция предполагает наличие интегрирующего государства, такого как Германия в Совете Европы (ЕС) или Россия в Таможенном союзе (ТС). Вопрос о возложении на Турцию такой ответственности является сложным.

Поддержание и дальнейшее развитие ССТГ также не является легкой задачей. Необходимо тщательно изучить возможные последствия мировой геоэкономической ситуации и развития региональной политики в различных странах. Преимуществом турецкой экономики, которое может быть использовано ею в нашем регионе, является ее участие в международных экономических структурах, включая сеть многонациональных компаний, что дает ей

возможность использовать свои технологические преимущества для проникновения на наши рынки. На сегодняшний день более 320 турецких компаний уже работают в Казахстане (Турция занимает третье место по количеству СП в Казахстане), и сферами интересов этих компаний являются строительно-монтажные работы, производство товаров народного потребления, переработка сельскохозяйственной продукции, нефтегазовые проекты и др. Согласно внешнеэкономической стратегии Турецкой Республики, можно предположить, что деятельность турецких частных компаний в Казахстане будет расширяться, так как экономическая ситуация в самой Турции не является определяющей для частных компаний [8, с.163]. Турция уже играет важную роль для малых и средних предприятий в строительном секторе Казахстана, хотя в последние годы ее роль снизилась. Ряд турецких и казахстанско-турецких университетов и разветвленная сеть казахстанско-турецких средних школ и колледжей также являются основой для расширения сотрудничества.

Заключение. В целом, сотрудничество между тюркоязычными странами не противоречит укреплению региональной безопасности, а также усилению экономической интеграции каждой тюркоязычной страны друг с другом и с остальной мировой экономикой. В то же время существуют такие чувствительные вопросы, как вступление Турции в Организацию Североатлантического договора (НАТО) или вступление Казахстана в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые, безусловно, повлияют на казахстанско-турецкие отношения, если геополитическая ситуация ухудшится. Вместе с тем сложившиеся геополитическая ситуация за последние 20 лет независимости усугубила различия между тюркоязычными странами Центральной Азии, которые появились не сразу, а имели место в недалеком советском прошлом, сказываются на процессах регионализации Центральной Азии в настоящее время и повлияют на будущую конструкцию межгосударственных отношений в регионе.

Направления стратегии социально-экономического развития тюркоязычных стран должны разрабатываться для каждой страны в отдельности, через призму общих интересов, позволяющих сделать проект НЭПШП эффективным, отвечающим интересам участников Совета сотрудничества тюркоязычных государств.

Список литературы:

1. Совместное строительство Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути 21 века: путь к совместному развитию и процветанию. kg.china-embassy.org/rus/ggwj/t. (Дата обращения 01.02.2023).
2. Надырова Ш.М. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии: Монография // Алматы: ИД «МИР», 2014, - С 180. (Дата обращения 03.02.2023).
3. Нажимудинова С.С., Маргазиева Н.К. Сравнительный анализ показателей Турции и тюркоязычных республик в индикаторе «создание предприятия» индекса Doing Business // Экономика Центральной Азии, 2019, 3(4), - С 205-218. (Дата обращения 03.02.2023).
4. Арслан Мехмат. Экологические проблемы Турции – индикаторы политических и геополитических процессов. Вестник Казну, серия экологическая, № 2 (38), 2013. (Дата обращения 04.02.2023).
5. Создание центральной Евразии. bnews.kz/ru/news/post/192734 (Дата обращения 05.02.2023).
6. «Сержантский переворот» в Турции: «блокада» Шелкового пути и рост уйгурского сепаратизма в Китае? <http://rusnext.ru/news/1468693350> (Дата обращения 06.02.2023).
7. Надыров Ш.М. «Теории, концепции, стратегии и их влияние на региональное развитие Центральной Азии» Алматы, Информационно-аналитический центр «Сауран» www.cs-sauran.kz (Дата обращения 08.02.2023).

8. Аватков В А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021, 14(5), - С 162-176. (Дата обращения 10.02.2023).